

СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ

ИЗ ЦИКЛА «С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА»

Тишина на границе

Над Бугом спят недвижные талины,
Вода в блестящих солнечных веснушках,
Пушистые помпоны облаков
Качаются над шапочками ветел,
И зеркало тончайшей тишины
Способно отразить не только всплеск
Ребячливо играющей рыбешки,
Не только скрип колес
Крестьянской фуры,
Но – даже шорох листьев,
Рвущих почки,
И шелест облаков по небосводу,
И столкновение атома с фотоном –
Все тишина способна отразить.
Но что такое – эта тишина?

По обе стороны ее, я знаю,
Шумят колосья и смеются дети,
И старики толкуют о погоде,
И женщины любимым отдаются
Во имя сотворенья новой жизни.
И тишина границы, разделяя
Две стороны
С их шумом, смехом, спором
И шепотом, счастливым и усталым,
Соединяет их в одном стремленьи,
В желаньи, самом сокровенном,
Мира!
Но в этой тишине еще живет
Неслышимый,
На кванты расщепленный,
Протяжный грохот первого снаряда,
Попавшего июньским утром в дот.
(Дот и сейчас чернеет, как глазница.)
И кванты эти в сердце проникают
И обжигают, словно излученье...
И поезд наш, внезапно присмиривший,
Переступает стыки осторожно,

Боясь нарушить чудо тишины,
Врачующей, как люди говорят,
Израненную войнами границу.

Минута молчания

Над Варшавой – гудки.

Над Варшавой – сирены.

Над Варшавой тяжелое небо сереет.

Над Варшавой Девятое Мая плывет –

65-й год.

Плач гудков, как стена,

Все собой заслоняет.

Люди головы скорбные

Молча склоняют.

И тюльпаны –

Любимый цветок варшавян, –

Словно алые реки, стекают в туман.

А сирены сердца поднимают отчаянно!

Над страной – минута,

Минута молчания!

И в минуте одной

Сквозь томительный гуд

Миллионы расстрелянных

Стонут минут.

На минуту в упор наведен пистолет,
И седеет мальчишка пятнадцати лет.
О минута! В тебе умещается век!
Пулеметная очередь... Сто человек!
Тихо падают листья на лица во рву...

Я в минуту молчания криком ворвусь!
Сердце, памятью сжатое, птицей замрет:
Может, в этой минуте все детство мое?!

...Над Варшавой –
Кристаллами – новые здания.
В основаниях зданий –
Минута молчания.

По аллеям каштаны,
Построившись в ряд,
В шумных листьях
Минуту молчанья хранят.

Я в глаза варшавянам с любовью гляжу
И минуту молчанья в себе уношу.

Очерк **ОБЛАКА**
Пузырьки детства в волнах
Я люблю смотреть на облака. III
Пули беспощадные эти
С ними как-то мне
привольней дышится.
И как будто даже лучше пишется.
Мне под ними
сладко-сладко спится...
Но нередко детство Славки снится.

Я его сквозь линзу четко вижу.
(Жизнь моя – той линзы толщина!)
Сорок первый. Август. Тишина.
Славка смотрит
Как было в небо пыльно-рыжее.
А на Славку,
Проглотив закат,
Лавой
наползают
Только детство облака.

Нет,
Такие
Дымкой не растают!
Шевелятся,
 лезут,
 нарастают!

Бомбовозы,
Танки,
Корабли
Небо прогибают до земли.

Чудища толпятся головастые
В кованых тяжелых сапогах.
Молнии сплетаются,
Как свастики,
На покатых броневых боках.

Громыханье катится низами -
Ближе...
 ближе!...

 ближе!! -
И внезапно

Очередь свинцовых крупных пуль
Пузырями вспучивает пыль.

Пули беспощаднейшие эти
Бьют
По замирающей планете,
Бьют по Славке,
По его игре,
Брошенной на маленьком дворе.
И мальчонке никуда не деться:
Низко-низко
Глыбы туч лежат...

Если б в детство можно было,
В детство,
Как бывало прежде,
Убежать,
Под его надежную защиту
От обиды, страха, горьких слез...

Только детство
Досками зашито,

Нет,

Как в парадном двери –
Вперехлест...

...Облака,

Мне с вами просто дышится.

Облака, мне с вами легче пишется.

Мне под вами сладко-сладко спится...

До сих пор мне

Детство Славки

Снится.

* * *

Играют в карты старички — в
То в «пьяницу»,
то в «дурачки»,
то в «акулину»...

У всех прохожих на виду
играют в городском саду
весь вечер длинный.

Играют в карты старички,
Стучат азартно кулачки
в бугристых венах...

- Скандалят, что ль?

- Какой скандал!

Пенсионеров не видал
обыкновенных?

Играют в карты старички,
надев для зоркости очки —

не отвлекайте!..

А были на руках у них
в иные дни,
в местах иных
иные карты.

На тех — особые значки:
круги, квадраты, лент клочки,
крутые стрелы...
В «клещах» позиции врага,
и до рейхстага —
два шага,
за мутной Шпрее.

Играют в карты старички.
А выцветшие пиджачки
(ни плеч, ни талий),
став будними,
еще хранят
неровных пятен темный ряд —
следы медалей.